

Госпожа Синь до её прихода ещё питала надежду, что история с ароматическим кисетом, в который подсыпали мускус, обойдётся. Но за несколько фраз она полностью разглядела свою дочь, поняла, что та, скорее всего, действительно сделала это, и не собиралась больше прикрывать её. В душе поселился ледяной холод — это была её дочь, которую она растила как жемчужину! Кто бы мог подумать, что в итоге она обойдётся с ней так!

Увидев, что та упорно отрицает вину, госпожа Синь на мгновение ослабила хватку. Гу Хайтан уже подумала, что пронесло, как вдруг та усмехнулась и холодно скользнула по её лицу взглядом:

— Ты разве не знаешь, что тот отрез пурпурной парчи, из которого ты сшила кисет, я лично выбирала и приказала матушке Цзинь доставить? Ты была одна во двореике, сшила такой кисет и велела матушке Цзинь принести его. Как он мог попасть к кому-то другому? Ты даже подставить умеешь, а думаешь, что меня проведёшь?!

— Матушка, это невозможно... Это не я... Не я!

Услышав эти слова, Гу Хайтан резко изменилась в лице. Она долго смотрела на мать с недоверием. Даже понимая, что, скорее всего, уже не удастся скрыть правду, она яростно качала головой, отрицая всё. Слёзы капали на её прекрасное лицо, заставляя выглядеть ещё более жалкой и трогательной.

— Матушка, вы должны мне верить! В этом кисете нет мускуса! Меня оклеветали! Может быть, это матушка Цзинь, матушка Цзинь она---

— Матушка Цзинь... Матушка Цзинь, возможно, не посмела послушаться и добыла для тебя мускус, но она — моя служанка! У неё не хватило бы смелости навредить мне! Потому что я — её госпожа, а не ты!

Госпожа Синь увидела, что дочь до последнего упорствует и не собирается признаваться. Улыбка её стала ещё более едкой. Забыв о приличиях, она сжала подбородок Гу Хайтан, заставив её посмотреть на себя, и с ядом в голосе произнесла:

— Ты растёрла мускус в порошок и насыпала в кисет. Я носила его несколько дней, вдыхая запах. Доведи я это до конца, ребёнок непременно погиб бы. Тогда ты свалила бы вину на ту мелкую тварь... Мой плод и правда был слаб, но я знаю своё тело — до выкидыша бы не дошло! А тут внезапно выкидыш, и даже придворный врач сказал, что на кисете был мускус. Ты всё ещё хочешь отпираться?!

Гу Хайтан поняла, что мать убеждена в её вине, и оправдаться не получится. Тем более она и сама была не невиновна. В панике она, не задумываясь, ухватилась за край её одежды, приняв ещё более жалкий вид, и закричала:

— Матушка!

— Цю Фу! Войди!

Увидев, что Гу Хайтан продолжает играть комедию, госпожа Синь поняла: правды от неё не добьёшься. Она оттолкнула дочь, села и громко окликнула слугу. Когда вошедшая Цю Фу опустилась на колени, она мрачно спросила:

— Ты допросила тех людей? Есть результат?

— Отвечаю, княгиня... Один из слуг уже сознался...

Когда Цю Фу шла за Гу Хайтан, она взяла с собой двух служанок и несколько охранников, владеющих боевыми искусствами, присланных из императорского дворца. После переговоров с людьми Гу Вэньмяня о том, что их просто хотят допросить, они вывели из дворика всех слуг, прислуживавших Гу Хайтан. Используя пытки и снадобья, они быстро выяснили правду.

— Тот слуга сказал, что старшая дочь дала ему золотую шпильку и велела нанять человека, чтобы тот тайком выкрал мускус из аптеки, чтобы не осталось следов покупки. Позже слуга растёр мускус в порошок и отдал старшей дочери. Та за хорошую службу даже наградила его золотом—

— Хватит!

Услышав слово «мускус», госпожа Синь не стала слушать дальше. Её лицо исказилось от ужаса и ярости. Гу Хайтан, стоявшая перед ней на коленях, поняла, что всё пропало, и словно лишилась костей — обмякла и разрыдалась.

Женщина на кровати холодно смотрела на неё, впервые оставаясь равнодушной к её слезам. В её глазах читалось лишь отвращение. Она указала пальцем, испачканным кровью, на склонённую голову дочери и сквозь зубы прошипела:

— Гу Хайтан, у тебя действительно чёрствое сердце! Я думала, что навредить мне сможет та мелкая тварь, или та девка, которая всегда хотела мне отомстить, но ничего не добилась! Не ожидала, что это окажется моя родная дочь!

— Матушка... Матушка, не сердитесь, это моя вина, я неправа! Просто я очень боялась... Я в таком положении, отец и бабушка меня не хотят! Они хотят, чтобы я умерла и спасла честь клана Гу... Но я не хочу умирать! И не хочу в даосский храм! Я должна жить и жить лучше всех!

Гу Хайтан не видела лица матери, но хотя её склонённое лицо было мокрым от слёз, в глазах плескалось безумие. Она до смерти сжимала край одежды, и слова, словно вырываясь из зубного скрежета, звучали твёрдо. Она подняла голову, и в её взгляде не было ни капли раскаяния:

— Разве не вы учили меня этому, матушка?

С тех пор как госпожа Синь забеременела, она редко навещала дочь. Гу Хайтан знала, что мать делает это ради ребёнка, но чем дольше её не было, тем сильнее рос страх: а вдруг мать из-за ребёнка бросит её, безнадёжную? В страхе однажды, разговаривая со служанкой за дверью, она придумала план: заставить мать потерять ребёнка, вызвать жалость отца. Если отец пожалеет мать или из уважения к Старшей принцессе выслушает её мольбы, то её обязательно выпустят!

Не сидеть в этой тесной камере и не быть под стражей, как преступнице!

Госпожа Синь, услышав эти слова, поняла, что дочь и вправду так думала. Её сердце содрогнулось, она впилась в неё взглядом, осознавая замысел: спровоцировать выкидыш, свалить вину на другого, а потом, выпросив прощение, выбраться на свободу. Дочь даже не подумала о том, как больно это матери, и о том, был ли невиновен ребёнок в её утробе. В тот момент она показалась госпоже Синь одновременно и жалкой, и отвратительной. С трудом веря своим ушам, она спросила:

— Я учила тебя этому, чтобы ты использовала такие методы против собственной матери? Ты просто... ты потеряла человеческий облик—

Гу Хайтан подняла на неё глаза, услышав эти слова, но не смягчилась, а наоборот, лицо её стало ещё более неприязненным. Наконец она поняла, что поступила дурно, но в сердце не было раскаяния — лишь страх, что между ней и матерью появится пропасть и та перестанет её защищать. В ужасе перед безысходным будущим она вновь притворилась жалкой и заголосила:

— Матушка! Матушка, простите меня! У Хайтан теперь только вы! Хайтан не может без вас!

Цю Фу, стоявшая на коленях в углу, с момента доклада дрожала от страха и делала вид, что не слышит разговора. Когда голос Гу Хайтан стих и госпожа Синь замолчала, она инстинктивно хотела встать и выйти, но за дверью послышались шаги служанки и чей-то голос, заставивший её вздрогнуть. Она выпрямилась и, забыв о противостоянии госпожи Синь и Гу Хайтан, тихо предупредила:

— Княгиня, старшая дочь, князь идёт.

Услышав это, Гу Хайтан до смерти перепугалась. Она посмотрела на госпожу Синь, но та, услышав весть о муже, смотрела на дочь без выражения, без тени прежней нежности — лишь с холодом и насмешкой.

Только сейчас, увидев этот взгляд, Гу Хайтан начала по-настоящему жалеть. Но она понимала, что шанса исправить всё нет. Она могла лишь надеяться на остатки материнской любви и жалости. Схватив край кровати, она тихо умоляла:

— Матушка! Матушка, спасите меня! Если вы не спасёте меня, я правда умру!

<http://bllate.org/book/16652/1526113>